

УДК 94(47).083

**FINIS ROSSIA: РЕВОЛЮЦИЯ 1905–1907 гг.
И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРОВ
(НА ПРИМЕРЕ А.А. КИРЕЕВА И Л.А. ТИХОМИРОВА)**

© 2014 г.

М.В. Медоваров

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

mmedovarov@yandex.ru

Поступила в редакцию 03.12.2013

Рассматривается реакция двух крупнейших консервативных мыслителей – А.А. Киреева и Л.А. Тихомирова – на революционные события 1905–1907 гг., которые переживались ими как крах всей традиционной России и предвестие конца русской истории.

Ключевые слова: Киреев, Тихомиров, консерватизм, славянофильство, Россия, революция 1905–1907 гг.

Революция 1905–1907 гг. стала тяжелейшим испытанием для русских консерваторов. Не просто были потрясены их политические идеалы – само состояние общества в целом внушало им тревогу и приводило подчас к горькому разочарованию. Проблема в изучении этих настроений заключается в том, что они редко находили отражение в публицистике и чаще всего зафиксированы в источниках личного происхождения. К счастью, применительно к двум крупнейшим консерваторам – А.А. Кирееву и Л.А. Тихомирову – такие источники имеются. Это регулярно ведшиеся дневники обоих мыслителей (причем Тихомиров еще и вклеивал в свой дневник все письма от Киреева), а также воспоминания Тихомирова о Кирееве.

Мы сосредоточимся на тех оценках, которые давались этими мыслителями состоянию России в целом в период революции 1905–1907 гг. и в первые годы третьеиюньской монархии (1907–1911 гг.), абстрагируясь от их конкретных оценок деятельности Витте, Столыпина, трех созывов Государственной думы и т.п. Следует лишь пояснить, что до 1905 г. Тихомиров надеялся на то, что Николай II вернет монархии её внутренний смысл, не создавая при этом новых учреждений, в то время как Киреев с 1899-го по 1904 г. активно боролся за созыв земского собора с совещательным голосом и постоянно предвещал опасность революции и «падения в конституцию» в том случае, если земский собор не будет созван. Принятое в 1905 г. решение о созыве законосовещательной Думы Киреев встретил с восторгом (и сам имел немалое влияние на процесс принятия этого решения), но манифест 17 октября поставил крест на его надеждах, как и на надеждах всех правых.

Размах революции 1905 года – убийств, терактов, прямых боевых столкновений, наконец, забастовок даже госслужащих и учащихся – действовал на Киреева угнетающе. (Больше этого его, старого генерала, унижало разве что поведение русской армии в войне с Японией и позорный мир.) Он обвинял правительство в том, что оно исчезло с улиц и не способно защитить жизнь и собственность граждан: «Господи, до какого мы сраму дожили!» «Нами управляет случай и больше ничего. Бог наш нас оставил и предал нас безумию, – писал Киреев. – Всё поколеблено, потрясено; ни собственность, ни самая жизнь не обеспечены; окраины безнаказанно отваливаются; авторитет государственный и, что ещё опаснее и печальнее, авторитет семейный вырван из общественного сознания; крамола захватывает администрацию; заползает она и в войска; не пощажена и самая Церковь! О школе и говорить нечего, она всецело в руках революционных шаек!.. Что представляют десять тысяч неучащихся студентов в одном Петербурге, как не контингент для будущего бунта, для баррикад! и как подумаешь, что эти баррикадисты через 20–30 лет будут управлять Россией – становится страшно!» [1, л. 93 об., 94, 96].

Но гораздо больше его пугали появившиеся в начале октября слухи о том, что Витте «готовит конституцию». «Мы стоим над пропастью! Всё возможно; царь может обнародовать завтра конституцию!» – писал он 11 октября Тихомирову [2, л. 121 а]. Манифест 17 октября стал для Киреева шоком: «Манифест этот полагает конец нашему самодержавию, 17 октября 1905 г. оно капитулировало перед улицей, перед профессорами, курсистками, хулиганами, рабочи-

ми». «Конституция у нас! – восклицал Киреев. – Когда у нас ни одного сдерживающего элемента! Ни английской аристократии, ни немецкой культуры! ... Дума будет склонна стремиться к конституции, туда налезут всякие Гапоны, Милуковы и Ко. Но кто будет виноват? Само правительство! <...> Боже мой, как глупо, как непроходимо глупо наше правительство! Как нагло, оно делало *всё*, чтобы и лучшие намерения сделать вреднейшими. <...> Старый режим постепенно проваливается; то тут, то там образуется яма... и признаюсь, провал этот несимпатичен, провал без борьбы, без попытки сопротивления, точно барана тащут на заклание!» [1, л. 96 об., 100–100 об., 109] (здесь и далее курсив авторский).

Поиск виновных не мог успокоить Киреева. Его эмоциональное состояние в течение всего октября 1905 г. было близко к истерике: «Господи! Да что же это такое? Что это за кошмар? Неужели это всё происходит наяву? Господи! Как же это так? Ведь мы куда-то проваливаемся, всё проваливается, всё рухнуло. Дорогие мои идеалы?! Где вы? Я их лелеял 60 лет, дождался *Думы*, и вот что делается!!!» [1, л. 94 об.]

Особенно невыносимо было для Киреева то, что весной и летом 1905 г. он считал свои идеалы близкими к торжеству: «Летом 1905 г. мы были обстоятельствами приближены к этим идеалам; в Петергофе они осуществились, хотя в глупых, эмбриональных, уродливых формах, и вот всё это рухнуло и мы стоим перед конституцией, перед тем, чего больше всего боюсь, что больше всего ненавижу, в чём вижу гибель и моей Родины и моей Церкви». Киреев жалел, что не умер в 1903 г., до начала краха России: «Тяжело на душе! 60 лет... верил я в русское самодержавие (окруженное совещательными учреждениями)... Эти *чувства*, в начале неясные, мало-помалу обращались в *мысли*, затем превратились в систематизированные *убеждения* – и вот, когда я думал, что заветная мысль моя увидит свет, что она даже (хотя очень неполно и как бы карикатурно) увидела свет в *Государственной Думе*, тут же, благодаря трусости, глупости, неумелости, шатости правительства этот идеал рухнул! У нас конституция и даже из передовых!» [1, л. 97 об.]

Киреев долгие годы предсказывал, что на Западе парламентские государства постепенно перерастут в общество дикого деспотизма, где законом будет воля атеистического, анархосоциалистического бескультурного большинства. Теперь он пришел к выводу, что Россия упала на этот же путь и даже обгонит на нём Европу: «Правительство само себя похоронило как *самодержавное*; вместе с тем похоронено им и

славянофильство как начало, нормализующее наш государственный уклад... *Этого нам не воскресить*. Возвращение к политической истине, к *добру* – невозможно. С конституцией мы входим в период упадка нашего государства, которое падёт скорее Англии или Германии, может быть, даже скорее Франции. Падением я называю такое состояние государства, где правление захватывается большинством, вооружённым *абсолютной* силой, против которой нет апелляции и в котором мнение этого большинства признаётся не только юридически правым, но ещё правым и *этически*, и в котором руководительным принципом является демократизм, получающий всё более и более окраску материальную, финансовую, отсюда всё больше и больше распространяется поклонение золотому тельцу. Понижению культуры (следствие понижения идеалов) соответствует понижение образования... Начинается царство золотого тельца. Это и есть Антихрист. Он и понижает, извращает христианство, затемняет его учение (альтруизм) своим (эгоизмом)» [1, л. 98, 121–122].

Характерно, что в революции помимо левых и либеральных лозунгов Киреев усматривал и животные, как он полагал, призывы к аморализму ницшеанцев: «Мы в полнейшем хаосе правительственном, общественно-нравственном. Всё под вопросом и *никакого критерия!* И вот мы, русские, стоим во главе европейского социализма, которому несомненно принадлежит будущность Европы, конечно, *на время*, ибо этот социализм, основанный на железном деспотизме... не может продержаться долго, ибо ведёт к озверению человечества, к установлению царства, в котором все поклоняются мамоне и где царствуют сверхчеловеки сначала Ницше (моющиеся), а потом Горького (не признающие мыла). Затем явятся жёлтые и внесут своё мировоззрение» [1, л. 154].

Фамилия Горького прозвучала не случайно – именно его Киреев считал вождем русских ницшеанцев. «Тяжко жить! Все устои России рушатся; ничего не остаётся, а нового ничего нет! – писал Киреев. – Вдали виднеется деспотизм дикой толпы, не признающей ничего святого: ни религии, ни патриотизма, ни семейства, ни поэзии... собрание “Дна” Горького, законодательствующих над Россией». 17 октября, по мысли Киреева, было знаком торжества идеалов Ницше и Горького во всём мире. Присутствуя на открытии первой Думы в апреле 1906 г., мыслитель записал: «Торжественные похороны нашей монархии, может быть, и России? *Конституционную* Россия продержится недолго! Но одна ли она? Мы на границе старого света, периода «государств»... Начинается период групп больших, в которых государства раство-

рятся. Отечество не будет, с ними пропадёт патриотизм, понятие родины и любовь к ней. Начнётся царство сверхчеловека, сначала – Ницше, с идеалами и мечом, затем Горького с идеалами уже гораздо более материальными и без меча. Это будет царство узаконенного эгоизма большинства... т.е. полного “озверения”» [1, л. 142 об., 158 об.]. Киреев разяснял своё видение будущего человечества: «В настоящее время мы стоим на рубеже больших племенных союзов... Приходится переходить к политике племён, от Staaten Politik к Rassen Politik... Несомненно, эти этнографические союзы заменят современные государства. Несомненно тоже, эти расовые союзы уступят место союзу всего человечества» [1, л. 139 об.]. По сути, мыслитель смог предвидеть некоторые направления глобализации.

Киреев был напуган, среди прочего, и размахом крестьянского движения. Не считая крестьян сколько-нибудь надёжными монархистами и выступая против прирезок им земли, он предлагал ограничиться их массовым переселением в Сибирь и на Дальний Восток. «Самую скверную часть нашего народа составляют именно распропагандированные мужики (рабочие)», – полагал Киреев. По его мнению, революционеры «разбудили самые неумеренные аппетиты крестьян» [1, л. 79, 106 об., 135 об., 207, 213, 222]. «Почему народ наш так звероподобен? – спрашивал мыслитель. – Куда делась его религиозность? И что это была за религиозность?.. Кто виноват в том, что русский народ дошёл до озверения?» [1, л. 168]

Винил он в этом духовенство и образованные классы. Более того, страх перед крестьянством у Киреева был незначительным по сравнению с его ненавистью к западнической интеллигенции, к земцам, врачам, учителям, адвокатам – носителям идей конституционализма. Мыслитель даже говорил, что «Россия – демократическая страна»: аристократия была истреблена Иваном IV, Петром I и Павлом I. «В том, собственно, что на руле нашего политического корабля стоят демократы – я беды не вижу! – восклицал Киреев. – Поэтому, ежели бы кадеты были только *радикалы*, но русские – беды бы не было! Беда в том, что они *конституционалисты*, т.е. западники, парламентаристы». Поэтому первую и вторую Думы Киреев и считал «карикатурой русского народа» [1, л. 141–142, 143 об.].

После шока в октябре 1905 г., когда у Киреева опустились руки, он вновь нашёл в себе силы активно участвовать в политической борьбе, но вплоть до переворота 3 июня 1907 г. беспросветное отчаяние вновь захлёстывало его. В такие минуты он писал: «Неужели исто-

рия России пришла к тупику, to a dead lock! Неужели это начало конца? Ужас. Неужели мы ничего не сделаем, не скажем человечеству. Неужели мы не осуществим наших славянофильских идеалов? Неужели мы пойдём к нашей гибели по общему конституционному пути?» В феврале 1907 г. Киреев вновь писал: «Славянофильская мечта распалась в прах, отлетела навеки! Я болезненно долго цеплялся за неё, за её развалины, но вижу, что мы не в силах её воссоздать. Она была близка к осуществлению 6 августа 1905 г., 17-го октября её убил сам царь (руку его направлял мерзавец Витте)» [1, л. 205 об.]. Но в чём была причина столь лёгкой гибели старой России?

Осенью 1906 г. Киреев много размышлял над этим: «Всё, всё у нас было лучше, нежели где бы то ни было, и религия наша, и форма правления (самодержавие и земский собор), и национальность наша выше как ставящая выше всего этический элемент, и всё это расплодилось вдруг! Где, Витте, моя Россия? – вопрошал Киреев и продолжал. – Но ведь это значит, что всё это было если не выдуманно нами, славянофилами, то всё же лишено крепких оснований. Явились Витте, Аникин, Сидельников, Онипко, и всё это: и религия и этика и самодержавие, всё расплодилось! Растаяло... Но отчего всё это, казавшееся столь твёрдым, оказалось никуда не годным?.. Чуждые корни завалены мусором, религия – тупым формализмом, внешностью, самодержавие – бюрократией, этические элементы – той же религиозной внешностью и ложными учениями» [1, л. 183 об.–184 об.].

Тем не менее к 1907 г. революционное движение сошло на нет, и Киреев стал подводить итоги трёх бурных лет. В двух словах смысл произошедшего выразил Николай II: «Россия осрамилась». Соглашаясь с этим, Киреев с болью писал, что своевременные реформы избавили бы Россию от «Виттовой пляски», позора на Дальнем Востоке и «беспомощного упадка, маразма». Но случилось иначе: «Мы пережили тройной кризис, тройное бедствие: неудачную войну, преступную революцию и (это худшее) разгром нашей школы, – сказал Киреев в речи перед Славянским благотворительным обществом в 1908 г. – Благодаря оплошности, трусливой растерянности нашей тогдашней администрации, Россия чуть не попала в руки банды самозванцев, не имеющих ничего общего с русским народом ни в вере, ни в преданиях, ни в стремлениях!» [1, л. 182 об.; 3, с. 155]

«Идеалы славянофильства, – признал Киреев, – которыми мы руководились, которые хотели передать не только России, но и всему свету, по крайней мере, всему славянству – поги-

бают, если совсем уже не погибли... Все три устоя России – православие, самодержавие и народность – поколеблены до основания и едва ли снова утвердятся. Итак, *finis нашей* Russia, а иная может ли быть? Едва ли!.. Мы будем плестись как какое-то неуклюжее, неумытое, неграмотное, радикальное чудовище, хромая на обе ноги, в хвосте Европы. Мог ли кто-либо подумать это, когда мы стояли в Сан-Стефано! Какое падение! Русь! Русь!» [1, л. 200, 206]

Выражение «*finis Rossia*» (sic!) пустил в обиход славянофил и друг Киреева Д.А. Хомяков, и его быстро подхватили другие консерваторы. Киреев писал Тихомирову: «Да, *finis* той России, о которой я мечтал всю жизнь, которую хотел обосновать на славянофильском учении, том учении, которое я популяризовывал в массах, и, казалось, не без успеха – но явился конституционный кошмар и всё заколебалось!» Тихомиров отвечал: «Что же? Если ни на что более умное неспособны, так туда и дорога. А жаль! Как многое обещала, казалось! Но достаточно было одного слабого монарха, чтобы всё разрушилось... Всё-таки изумительна такая слабость народной самодеятельности. Скверно то, что даже и церковность так же слаба. Со всем в трубу идёт. Изумительная слабосодержательность нации. Я этого всё же – сознаюсь – не ожидал: думал, что душа народная и сильнее и богаче» [4, л. 6 об., 8 об.; 5, с. 85].

В период революции 1905–1907 гг. Тихомиров записывал в дневник обобщающие оценки ситуации гораздо реже, чем Киреев. Но зато эти оценки поражают своей суровостью, даже жестокостью по отношению к собственной стране. Ещё 22 сентября 1905 г. Тихомиров писал: «Это всё есть кара Божия. Бог покидает на её *собственные* силы изменившую Ему страну, и вот собственные силы её оказываются гнилыми, никуда не годными». В 1906 г. тихомировские оценки становятся ещё более радикальными: «Россия трещит по швам... Конечно, Россия – погибшая, презренная, развратная и идиотская страна. Да, конечно. Но всё это во сто раз более относится к гнусному нашему правительству». «Я увижу только гибель России, а её спасение уже не увижу», – печалился Тихомиров [6, с. 63; 7, л. 444; 8, л. 102; 9, л. 87 об.].

После переворота 3 июня 1907 г., к организации которого Киреев имел отношение, он был произведён в полные генералы и стал третьим (а вскоре и вторым) человеком по военному званию в Российской империи. Его настроение немало улучшилось. На протяжении ещё трёх лет он пытался убедить Столыпина и Николая II в необходимости «добить» Думу, сделав её законосовещательной. Киреев считал, что уме-

ренная Дума в перспективе опаснее революционной: «Дума будет никуда не годная, т.е. не довольно левая, чтобы быть прогнанной, и не довольно правая, чтобы дельно работать... Она, может быть, продержится и даст конституционной отраве испортить наш организм, сделать невозможным возврат к строю древнерусскому, совещательному... Эта болезнь *неизлечима*, и рано или позже мы от неё погибнем» [1, л. 242, 247 об.].

Тем не менее в целом настроения Киреева в 1907–1910 гг. стали чуть менее пессимистичны. Да, в правительстве он по-прежнему видел «кражи и халат», «испуг, трусость, глупость, отсутствие системы» и считал, что Россией управляет «слепой случай», но всё же отмечал: «Переживаем кризис, но нет повода приходить в отчаяние» [1, л. 286 об., 308; 4, л. 87 об.]. Всё чаще Кирееву снова казалось, что идеалы славянофильства охватывают широкие слои русского общества и становятся общераспространёнными. Всерьёз беспокоил его все эти годы только уклон царя и царицы в мистику, но более всего – отсутствие яркого и признанного политического лидера как в стране вообще, так и в правом лагере. При этом, по мнению Киреева, неспособные к самоорганизации консерваторы проигрывали левым и либералам, которые даже в отсутствие великих личностей были хорошо организованы. «Есть люди, а нет человека, нет того человека, за которым пойдёт Дума и Россия... Господи! Да где же он! Где этот человек, этот герой?» – писал Киреев. Он перебирал разные фамилии претендентов на премьерское кресло из числа правых и не находил никого. Не только из чиновников, но и из публицистов и писателей Киреев не видел ни одного человека, который мог бы стать «вверсту» суровой эпохе и спасти Россию. «Всё расползается! Не на что опереться. Принципы все раскрошились, размякли, растаяли, – писал Киреев. – Без *понукания* нам политикой долго будет ещё нельзя заниматься... Вообще, где нужна *работа*, а не *порыв*, там мы плохи! <...> Мы стадо без пастыря, мы разбредаемся. Прежде мы имели этот центр в лице царя. Теперь его уже нет... За именем царя мы могли бы сгруппироваться около какого-нибудь национального героя... Но вот этого-то средоточия у нас и нет» [1, л. 222 об., 339; 10, л. 3 об., 14, 22 об., 72].

Вообще, после революции 1905 г. Киреева стало пугать сочетание русского радикализма с неумением по-европейски систематически работать. «Велика Федора, да дура, – говорил он о России. – Мы народ *героический*, но не *работающий*. А теперь *без работы* жить нельзя... Ведь геройство проявлять приходится редко, а

работать нужно постоянно. Завоевали мы много, а разрабатывать завоёванное не умеем». В последние годы жизни Киреев пессимистически смотрел на перспективы России в эпоху капитализма: «Сдаётся мне, что мы (русские) пережили героический период нашей истории и теперь входим в период деловой (то, что называется *буржуазный*). И вот мне становится страшно! Ведь дело – требует работы, а ведь, пожалуй, мы на работу-то и неспособны!.. Вот и задаёшь себе страшный вопрос: “А ну как мы не научимся работать? Тогда что? Ложись в гроб да умирай!” Умирать-то не трудно, для человека верующего, но горько видеть, что то, чему верил всю жизнь, за что радостно бы дал эту жизнь, что всё это “идёт прахом”, потому что мы не умеем работать, да и измельчали очень, измалодушничались» [1, л. 136 об., 141 об., 220 об., 221 об.; 10, л. 18 об., 31 об., 35, 37 об.; 11, л. 56–57].

В целом к 1909–1910 гг. Киреев подвёл пессимистический итог русской истории. Разочарованно констатировал он гибель России, «нравственную Мессину». «Полный развал нашего правительственного механизма; никогда казнокрадство не достигало таких размеров, такого откровенного бесстыдства». Сил противодействовать этому не чувствовал ни один из идеологов консерватизма. Всей энергии небеталантных правых хватило лишь на то, чтобы отсрочить крах Российской империи на десять лет. «Моё поколение сойдёт со сцены одураченное и опозоренное», – признался Киреев [10, л. 37 об., 76, 82]. «Тяжело жить среди развалин», – написал он незадолго до смерти, и эта фраза поражает своей переключкой с сетованиями таких западных консерваторов, как О. Шпенглер или Ю. Эвола, автор книги «Человек среди развалин». Таким образом, речь идёт о том, что глубочайшие социально-политические трансформации первой половины XX в. консервативное сознание воспринимало как катастрофу и крушение старого мира. И Тихомиров, и Киреев имели возможность жить на Западе и сравнивать происходившие там социально-политические процессы с аналогичными процессами в России. «Finis Rossia» переживался ими не иначе, как пусть важнейшая, но лишь часть общемирового кризиса, процесса разложения самих основ прежних христианских обществ. Россия на этом фоне выделялась для рассматриваемых мыслителей лишь как ранняя и особенно несчастная жертва единого мирового процесса «разрушения основ».

Это подтверждается высказываниями Тихомирова периода 1908–1911 гг.: «Ничего крупного, ничего основательного, ничего гениального:

одна, можно сказать, конституция. Содержания – нет. Бедная, бедная страна! Вот уж оскудение. Неужели «выпахалась» безнадежно, и нет ей уже будущности? А кажется, что так... Неужели национального монархизма не хватит на поддержание монархии ещё хоть на 15–20 лет, до нового её деятеля?» «Старый деятель», то есть Николай II, склонившийся к Распутину, Тихомирова уже совершенно не удовлетворял: «Вся эта грязная тина обволакивает людей до самых верхов». Высказывания Тихомирова о России и после 3 июня 1907 г. остаются крайне жёсткими: «Ах, Россия, Россия! *Urbs mature perituram!* Вот уж точно, как древняя дева Израилева, – не может пропустить ни одного куста, чтобы не соблудить с кем-нибудь» [12, л. 99; 13, л. 100 об.; 14, с. 170, 175; 15, с. 171].

После смерти Киреева (июль 1910 г.) Тихомиров часто размышлял о его судьбе и о том, почему идеалы старого славянофила потерпели крах. «Широкая панорама воспоминаний проходит у меня с Киреевым, – писал он. – Начало – светлая, благоуханная заря возрождения, и потом всё хуже, хуже, хуже, всё дальше, всё глубже – вонючее болото, и – наконец *смерть*. Это ужасно». Тихомиров восхищался выдержкой Киреева после 1905 г.: «У него... крепко залегло правило старой России: “На службу не напрашивайся, от службы не отказывайся”. Будь на своём посту, где тебя поставила жизненная судьба, исполняй *своё* дело. Он его и исполнял» [16, с. 664].

Ключевое словосочетание здесь – «старая Россия». Тихомиров, надо полагать, не раз вспоминал хорошо знакомые ему слова К.Н. Леонтьева: «Я не понимаю французов, которые умеют любить *всякую* Францию и *всякой* Франции служить... Я желаю, чтобы отчизна моя была достойна моего уважения, и Россию *всякую*... я могу разве по *принуждению* выносить» [17, с. 269–270]. Теперь, в 1910 г., Тихомиров сам говорил: «Я – ни такому новому народу, ни конституции не хочу служить, да и не могу. Мне это неинтересно. Я нахожу глупой “новую” Россию... Это не Россия, а что-то иное... На всём свете нет людей ничтожнее и презреннее современных русских» [15, с. 173–174, 185].

Не без впечатлений от писем и статей Киреева Тихомиров излагал идентичное видение будущей деградации общества: «Россия медленно, но неуклонно выходит на банальный общегражданский и конституционный путь. *Царство русское* кончено при Николае II. А с концом *царства русского* кончается и союзно церковно-государственный строй. Всё это, по видимому, уже *непреложно*, бесповоротно.

Воскресить русскую идею теперь ещё мог бы, может быть, *гениальный царь*, а через десяток лет уже и никакой гений не воскресит... Воля Божия. Судьбы мира идут своим чередом и, кажется, уже *к концу*. По крайней мере, не видно, что мог бы сказать человеку мир, если исчезнет Россия, последняя страна, от которой можно было бы ожидать нового слова. Теперь путь пойдёт торный: *социализация* людей, потускневшие *личности*, а там – и Антихристу место готово». Итоговый вердикт Тихомирова звучал безжалостным приговором: «Мерзейшее состояние! До чего же гибнет эта несчастная гнилушка, эта бедная, пропащая блудница, Россия... В болото современной России можно бросить Везувий, и он – пошипит, пошипит, да и загаснет» [18, с. 134–135, 145].

Осмысля слова Киреева о «finis Rossia» и потрясение, испытанное генералом, Тихомиров писал: «Он был представитель *старой* России... Потеря чести армии и государства была всего тяжелее для могикана старой России. "Новые люди" тогда уже не понимали его. Они заботились об "интересах", хотя и интересы умели сохранить не лучше, нежели честь. Киреев чувствовал всеми фибрами души, что *его Россия*, та, которую он жил и гордился, куда-то исчезает. А между тем он подходил сам к концу жизни и не мог надеяться увидеть воскресение того, что умирало на его глазах. Наступала революция, которая *сама по себе* его не могла удивить, но в которой он не улавливал духа старой России... *Такая* революция могла лишь ещё больше удручать его, потому что в ней Россия только ещё более отходила от основ своего прошлого, исторического бытия... Будущее было задёрнуто для стареющего могикана только траурным флёром» [16, с. 664, 667–668].

Социально-политический пессимизм Киреева в 1907–1910 гг. следует рассматривать в контексте глубокого кризиса русской консервативной мысли. Лидеры правых погружались в апатию – не только являвшийся вечным пессимистом по своей натуре Тихомиров, но и бывший ранее бодрым оптимистом Киреев, и автор самого оборота «finis Rossia» Д.А. Хомяков, и другие. Так, Б.В. Никольский писал: «Переходные условия продолжаются и продолжаются, как непогода поздней осенью... Вместо людей я вижу гадов. Люди уходят, а гады получают всё больше свободы. Кроме наших идей, всё совершенно разрушено; но даже мы не видим людей среди нас». Пермский историк М.Н. Лукьянов отмечает: «Знакомясь с воспоминаниями современников столыпинского времени... трудно не заметить... объединяющую их черту: буквально все мемуаристы отмечают то чувство

нравственной опустошённости, разочарования и безнадёжности, которое охватило тогда многих представителей русского общества» [19, с. 141, 207; 20, с. 784]. Идеалы консерваторов кардинально разошлись с действительностью, и желания «охранять» «новую Россию», Россию после 17 октября, у них не было.

Одну из причин слабости правых М.Н. Лукьянов видит в том, что они использовали устаревшие методы борьбы: вместо обращения к массам «они апеллировали к верхам, пытались обратить их в свою веру, а не отстранить от власти» [19, с. 14, 31, 150–151]. Другой причиной была ориентация правых, включая славянофилов, на защиту дворянских интересов. Размытыми оставались границы между различными течениями в русском консерватизме. Решение практических задач часто не оставляло правым времени на построение целостных политических систем. На этом фоне Киреев с его стройной концепцией государственного устройства России, с претензиями на создание альтернативного проекта развития страны выглядел исключением; но даже его взгляды не стали общей для всех консерваторов платформой. Можно согласиться с С.Л. Фирсовым: «Трудно сказать, существовала ли возможность реализовать программу Киреева. Но ничего и не было сделано для этого» [21, с. 101].

И Киреев, и Тихомиров, и другие консерваторы – люди разного характера и разного психологического склада – почти в одинаковых выражениях повторяли: настал «finis Rossia», конец той России, которую они знали, а иную Россию они отказывались даже представлять. Может быть, своевременное обращение власти к проектам творчески мыслящих консерваторов на рубеже XIX–XX вв. могло бы спасти положение и предотвратить революцию 1905 года. Возможно, впрочем, что никакие реформы уже не смогли бы предотвратить произошедшие в 1905–1907 гг. общественно-политические перемены, – но в таком случае речь идёт о неизбежном неприятии консерваторами новой социальной реальности, которое с поразительным сходством у всех правых выражалось не просто в пессимистических, но неизменно в апокалиптических тонах.

Список литературы

1. Дневник А.А. Киреева (1905–1908 гг.) // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 126. Оп. 1. Д. 14.
2. Дневник Л.А. Тихомирова (февраль – декабрь 1905 г.) // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 634. Оп. 1. Д. 15.
3. Киреев А.А. Речь, произнесённая на торжественном собрании СПб. Славянского благотворительного общества 11 мая 1908 г. // Славянские известия. 1908. № 4–5.

4. Дневник Л.А. Тихомирова (январь – октябрь 1907 г.) // ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 17.
5. Из дневника Льва Тихомирова. 1907 год // Красный архив. 1933. № 6 (т. 61).
6. 25 лет назад. Из дневников Льва Тихомирова // Красный архив. 1930. № 3 (т. 40).
7. Машинописные главы отдельных дневников и воспоминаний Л.А. Тихомирова // ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 13.
8. Дневник Л.А. Тихомирова (март 1904 – февраль 1905 г.) // ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 14.
9. Дневник Л.А. Тихомирова (1906 г.) // ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 16.
10. Дневник А.А. Киреева (1909–1910 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 15.
11. Письма А.А. Киреева Ф.Д. Самарину // ОР РГБ. Ф. 265. П. 190. Д. 32.
12. Дневник Л.А. Тихомирова (июнь – декабрь 1908 г.) // ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 19.
13. Дневник Л.А. Тихомирова (январь 1909 – август 1910 г.) // ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 20.
14. Из дневника Л. Тихомирова (Период столыпинщины). 1908 г. // Красный архив. 1935. № 6.
15. Из дневника Л. Тихомирова (Период столыпинщины). 1909, 1910, 1911 гг. // Красный архив. 1936. № 1.
16. Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2001.
17. Леонтьев К.Н. Чем и как либерализм наш вреден? // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1996.
18. Из дневника Л. Тихомирова (Период столыпинщины). 1907–1908 гг. // Красный архив. 1935. № 5.
19. Лукьянов М.Н. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Пермь, 2001.
20. Loukianov M.N. Conservatives and «Renewed Russia», 1907 – 1914 // Slavic Review. V. 61. № 4. (Winter 2002).
21. Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 г.). М., 2001.

**FINIS ROSSIA: THE REVOLUTION OF 1905–1907 AND ITS CONSEQUENCES
AS VIEWED BY CONSERVATIVES
(ON THE EXAMPLES OF A.A. KIREEV AND L.A. TIKHOMIROV)**

M.V. Medovarov

In this article, the reaction of two foremost Conservative thinkers (Alexander Kireev and Lev Tikhomirov) to the revolutionary events of 1905–1907 is examined. Russian Conservatives viewed these events as a collapse of the entire traditional Russia and a harbinger of the end of the Russian history.

Keywords: Kireev, Tikhomirov, Conservatism, Slavophilism, Russia, Russian Revolution of 1905–1907.

References

1. Dnevnik A.A. Kireeva (1905–1908 gg.) // Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki (dalee – OR RGB). F. 126. Op. 1. D. 14.
2. Dnevnik L.A. Tihomirova (fevral' – dekabr' 1905 g.) // Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (dalee – GARF). F. 634. Op. 1. D. 15.
3. Kireev A.A. Rech', proiznesjonnaja na torzhestvennom sobranii SPb. Slavjanskogo blagotvoritel'nogo obshhestva 11 maja 1908 g. // Slavjanskije izvestija. 1908. № 4–5.
4. Dnevnik L.A. Tihomirova (janvar' – oktjabr' 1907 g.) // GARF. F. 634. Op. 1. D. 17.
5. Iz dnevnika L'va Tihomirova. 1907 god // Krasnyj arhiv. 1933. № 6 (t. 61).
6. 25 let nazad. Iz dnevnikov L'va Tihomirova // Krasnyj arhiv. 1930. № 3 (t. 40).
7. Mashinopisnye glavy ot del'nyh dnevnikov i vospomинanij L.A. Tihomirova // GARF. F. 634. Op. 1. D. 13.
8. Dnevnik L.A. Tihomirova (mart 1904 – fevral' 1905 g.) // GARF. F. 634. Op. 1. D. 14.
9. Dnevnik L.A. Tihomirova (1906 g.) // GARF. F. 634. Op. 1. D. 16.
10. Dnevnik A.A. Kireeva (1909–1910 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 1. D. 15.
11. Pis'ma A.A. Kireeva F.D. Samarinu // OR RGB. F. 265. P. 190. D. 32.
12. Dnevnik L.A. Tihomirova (ijun' – dekabr' 1908 g.) // GARF. F. 634. Op. 1. D. 19.
13. Dnevnik L.A. Tihomirova (janvar' 1909 – avgust 1910 g.) // GARF. F. 634. Op. 1. D. 20.
14. Iz dnevnika L. Tihomirova (Period stoly-pinshhiny). 1908 g. // Krasnyj arhiv. 1935. № 6.
15. Iz dnevnika L. Tihomirova (Period stoly-pinshhiny). 1909, 1910, 1911 gg. // Krasnyj arhiv. 1936. № 1.
16. Tihomirov L.A. Teni proshlogo. M., 2001.
17. Leont'ev K.N. Chem i kak liberalizm nash vreden? // Leont'ev K.N. Vostok, Rossija i slavjan-stvo. M., 1996.
18. Iz dnevnika L. Tihomirova (Period stoly-pinshhiny). 1907–1908 gg. // Krasnyj arhiv. 1935. № 5.
19. Luk'janov M.N. Rossijskij konservatizm i reforma, 1907–1914. Perm', 2001.
20. Loukianov M.N. Conservatives and «Renewed Russia», 1907 – 1914 // Slavic Review. V. 61. № 4. (Winter 2002).
21. Firsov S.L. Russkaja Cerkov' nakanune peremen (konec 1890-h – 1918 g.). M., 2001.